

Соловьев Всеволод Сергеевич

Волхвы

Роман XVIII в. в 2-х томах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В84

В84 **Всеволод Сергеевич С.**
Волхвы: Роман XVIII в. в 2-х томах / Соловьев Всеволод Сергеевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2023. – 558 с.

ISBN 978-5-519-74707-3

Продолжение романа "Великий розенкрейцер"

ISBN 978-5-519-74707-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

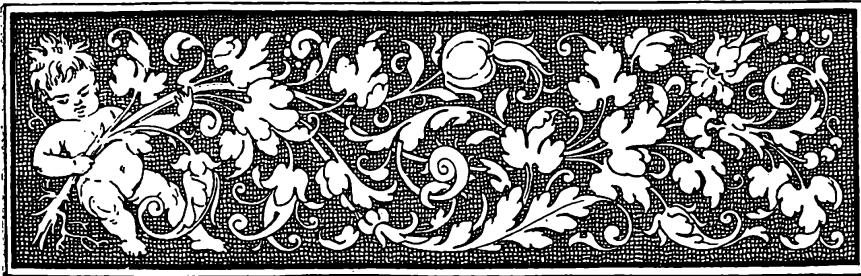
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВОЛХВЫ.

Часть первая.

I.

императрица улыбнулась и въ ясныхъ глазахъ ея мелькнулъ насмѣшливый огонекъ.

— Конечно, сказала она,— для человѣка, покинувшего Петербургъ два десятка лѣтъ тому назадъ, здѣсь многое должно казаться новымъ и совсѣмъ неузнаваемымъ... но врядъ ли происшедшія перемѣны могутъ поразить того, кто покинулъ этотъ городъ семи или осьми-лѣтнимъ ребенкомъ... Это слишкомъ ранній возрастъ для наб-

люденій, да и воспоминанія врядъ-ли способны сохраниться въ достаточной мѣрѣ полными.

— Я не былъ тогда ребенкомъ, ваше величество. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а тогда, стало быть, было двадцать.

Императрица сдѣлала невольное движеніе назадъ, съ большимъ изумленіемъ взглядывась въ своего собесѣдника.

Передъ нею былъ крѣпкій и стройный человѣкъ средняго роста. Ни одна морщинка еще не тронула его молодого и красиваго, нѣсколько блѣднаго лица, поражавшаго своимъ твердымъ и спокойнымъ выраженіемъ. Сразу, не вглядываясь въ этого человѣка, его можно было принять за юношу, однако теперь, пристально смотря на него, императрица замѣтила, что въ его интересномъ лицѣ уже нѣтъ и слѣда неопредѣленности, мягкости и женственности—спутниковъ ранняго возраста.

«Но сорокъ лѣтъ!.. развѣ это возможно?.. смѣется онъ что-ли надо мною!?»—невольно подумала она.

Наконецъ она сообразила и вспомнила все, что ей было извѣстно объ этомъ человѣкѣ. Вспомнила, что разрѣшивъ Ивану Ивановичу Бецкому представить его ей сегодня, во время праздника, она и думала увидѣть человѣка зрѣлаго возраста. Но взглянувъ на него въ первую минуту, когда онъ спокойно и почтительно склонился передъ нею, она забыла объ его лѣтахъ. Она сразу подмѣтила въ немъ нѣчто особенное, въ чемъ еще конечно не могла дать себѣ отчета, но что ей понравилось. Черезъ минуту, послѣ первыхъ фразъ, она уже перешла съ нимъ въ тотъ благодсклонный, нѣсколько шутливый тонъ, какой часто принимала съ молодыми людьми и дѣвушками когда бывала въ хорошемъ расположеніи духа. А сегодня весь день она именно была въ такомъ расположеніи.

— Возможно-ли это!? наконецъ проговорила она. — Гдѣ нашли вы секретъ стирать слѣды безжалостнаго времени? Какіе волхвы передали вамъ это искусство, столь драгоценное и для всѣхъ насъ, смертныхъ, недостижимое?!

Говоря это, она все продолжала вглядываться въ его спокойное и блѣдное лицо, на которомъ мелькнула теперь улыбка, почему-то показавшаяся ей загадочной.

— Да, я знаю, я очень моложавъ, сказалъ онъ;—но не

знаю, ваше величество, большое-ли это благополучіе... иной разъ даже не совсѣмъ лестно казаться моложе своего возраста.

Что было въ этихъ словахъ—упрекъ? Во всякомъ случаѣ лицо императрицы внезапно стало серьезнымъ. Ея шутливый благосклонный тонъ исчезъ и она уже какъ бы совсѣмъ новымъ голосомъ спросила:

— И всѣ эти двадцать лѣтъ... вы провели ихъ за границей, князь?

— Нѣтъ, ваше величество, я два раза пріѣзжалъ въ Россію, только не былъ въ Петербургѣ.

— Двадцать лѣтъ—это много, много времени и отъ двадцати до сорока—лучшая пора жизни! Если вы такъ изумительно сохранились, вы должны были провести эти годы безмятежно и счастливо?!

Лицо его оставалось спокойнымъ и онъ ничего не отвѣтилъ. Императрица продолжала:

— Да, я знаю, помню, Иванъ Ивановичъ говорилъ мнѣ, что вы ученый, что вы много работали, чуть-ли не во всѣхъ университетахъ Европы—и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи... Я очень вамъ завидую, князь. Но что мнѣ особенно пріятно, это то, что вы, проведя почти всю жизнь въ чужихъ краяхъ, вдали отъ родины, не забыли русскаго языка и выражаетесь на немъ такъ, какъ бы никогда отсюда не выѣзжали.

— Ваше величество, я въ дѣтствѣ говорилъ и думалъ по-русски, я никогда не забывалъ, что я русскій и берёгъ въ себѣ это. А что я правильно изъясняюсь—что-же въ томъ удивительнаго? Когда-то нашъ языкъ былъ чуждымъ для вашего величества, а вы его знаете не хуже моего, а быть можетъ и гораздо лучше.

Екатерина едва замѣтно кивнула головою и наградила своего собесѣдника прекрасной улыбкой.

— Я русская, проговорила она.

Въ это время въ ихъ разговоръ ворвались раздавшіеся неподалеку звуки музыки, шумъ и движеніе придворной толпы. Императрица, всегда жадно и съ интересомъ вглядывавшаяся въ новыхъ людей, и увлекавшаяся въ первую минуту своими наблюденіями и впечатлѣніями, вспомнила гдѣ она и рѣшила, что пора прекратить эту бесѣду. Но все-же ей какъ бы жаль было сразу отпустить новаго знакомца. Она сдѣлала шага два впередъ, остановилась и опять обратилась къ нему.

— Теперь вы остаетесь здѣсь—неправда-ли? Вы пріѣхали не для того, чтобы снова возвратиться въ Европу?

— У меня еще нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ, ваше величество.

— Передайте вашему батюшкѣ, что я сожалею объ его недугѣ, что я довольна была познакомиться съ вами. Да, я всегда любила вашего отца, я думала одно время, что онъ можетъ быть однимъ изъ моихъ дѣятельныхъ помощниковъ... По правдѣ сказать, я сердилась на него за то, что онъ всегда упрямо отстранялся отъ серьезной роли, какую могъ бы играть при его дарованіяхъ. Но я ужъ давно не сержусь... Быть можетъ онъ и правъ... Какъ бы ни было—старого я не забываю: въ трудное время онъ оказалъ мнѣ не мало услугъ—и я ему благодарна... До свиданья, и прошу помнить, что сынъ князя Захарьева-Овинова можетъ всегда рассчитывать на мое расположеніе.

Она протянула ему руку съ той величественной граціей, которая, казалось, ей одной была присуща.

— Ваше величество, изъ глубины сердца благодарю васъ и за отца, и за себя! сказалъ князь, прикасаясь губами къ рукѣ императрицы.

Нарядная толпа ихъ раздѣлила.

II.

азговоръ этотъ происходилъ въ стѣнахъ бывшаго Воскресенскаго Новодѣвичьяго, такъ-называемаго Смольнаго, монастыря, уже нѣсколько лѣтъ превращеннаго въ «воспитательное общество для благородныхъ дѣвицъ».

Это воспитательное общество было устроено императрицей по образцу извѣстнаго Сень-Сирскаго института близъ Парижа. Много нѣжныхъ заботъ положила Екатерина въ этотъ созданный ею, съ помощью Ивана Ивановича Бецкаго, разсадникъ женскаго образованія. Она заботилась о воспитывавшихся въ немъ дѣвочкахъ, какъ о собственныхъ дѣтяхъ.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ она переписывалась о своемъ Смольномъ съ Вольтеромъ, передавала ему объ успѣхахъ воспитанницъ, спрашивала его совѣтовъ относительно того, какія пьесы играть дѣвочкамъ. Великій льстецъ отвѣчалъ ей такимъ тономъ, будто онъ и самъ былъ глубоко заинтересованъ Смольнымъ, давалъ совѣты и прощитывалъ свои письма тончайшей лестью.

Такъ проходили годы. Царица не забывала Смольнаго. Вотъ и теперь въ институтскихъ стѣнахъ, по случаю рожденія великаго князя Константина Павловича, было назначено празднество.

Праздникъ этотъ былъ не институтскій, а придворный,— только съ участіемъ воспитанницъ. Приглашенъ былъ весь дворъ и «обоого пола особы первыхъ пяти классовъ».

Стояла чудесная майская погода. Густой монастырскій садъ, разбитый по плану знаменитаго Растрелли, недавно одѣлся яркой зеленью и запестрѣлъ цвѣтами.

Теперь весь этотъ садъ преобразился: въ его аллеяхъ была устроена блестящая иллюминація, на каждомъ шагу возвышались причудливые кіоски и павильоны. Въ глубинѣ главной аллеи возвышался «древній храмъ», созданный во мгновеніе ока, но тѣмъ не менѣе производившій величественное впечатлѣніе.

Однако въ саду пока еще не было замѣтно особаго движенія. Свѣтлый майскій вечеръ наступалъ медленно. Иллюминацію только что стали зажигать, и огоньки едва замѣтно мигали среди розоваго свѣта, лившагося съ неба.

Всѣ приглашенные находились въ большомъ институтскомъ залѣ и прилегавшихъ къ нему комнатахъ. Весь этотъ огромный залъ былъ снизу до верху обставленъ оранжерейными тропическими растеніями и изукрашенъ вѣнками и гирляндами изъ живыхъ цвѣтовъ. То тамъ, то здѣсь выдѣлялись искусно сдѣланные изъ такихъ-же цвѣтовъ вензеля императрицы и цѣлыя слова и фразы. Эти фразы должны были выражать чувства благодарности и любви воспитанницъ къ ихъ августѣйшей благодѣтельницѣ, а также тѣ правила добродѣтели, какими онѣ намѣрены руководствоваться въ жизни.

Въ глубинѣ зала возвышалась такъ-называемая Парнасская гора; съ ея вершины на многочисленныхъ зрителей глядѣли хорошенькія личики музъ, изображаемыхъ девятью воспитанни-

дами, одѣтыми въ костюмы древне-греческаго покроя и имѣвшими каждая въ рукахъ свои классическіе атрибуты.

Нужно было отдать справедливость распорядителямъ праздника и главному его руководителю, «воспитателю дѣтскому, человѣку нѣмецкому», какъ его называли тогдашніе зубоскалы, — Ивану Ивановичу Бецкому: всѣ девять музъ были одна другой красивѣе и милѣе, а мягкія складки древне-греческихъ одѣяній и нѣжные цвѣта тканей еще болѣе выдѣляли ихъ юную красоту и свѣжесть, грацію и чистоту ихъ дѣвственныхъ формъ. Да и вообще въ этомъ разсадникѣ женскаго образованія въ то время, благодаря какой-то счастливой случайности, красота и привлекательность вполнѣ торжествовали надъ дурнотой. Это можно было замѣтить, обративъ вниманіе на два большихъ амфитеатра, устроенныхъ по обѣимъ сторонамъ стеклянной двери, ведущей изъ зала въ садъ. На этихъ амфитеатрахъ, среди цвѣтовъ и зелени, размѣстились всѣ воспитанницы Смольнаго, не принимавшія участія въ программѣ праздника. Здѣсь были дѣвочки, начиная съ семи и восьми-лѣтняго возраста и кончая семнадцатью и восемнадцатью годами.

Многочисленные любители красоты и юности, находившіеся теперь въ залѣ, могли вдоволь налюбоваться безконечнымъ разнообразіемъ дѣтскихъ и женскихъ лицъ, изъ которыхъ почти каждое останавливало на себѣ вниманіе если и не особенной красотой, то во всякомъ случаѣ миловидностью и привлекательностью. Дурнушекъ рѣшительно не было, или, вѣрнѣе, онѣ встрѣчались только какъ исключенія. Да и вдобавокъ эти рѣдкія исключенія были такъ искусно разсажены, что наблюдатели ихъ совсѣмъ не могли замѣтить.

Дѣвушки и дѣвочки, хотя и одѣтыя въ свои форменныя однообразныя платья, тѣмъ не менѣе очевидно употребили не мало искусства на свой нарядъ и прическу и каждая изъ

нихъ готова была выдержать самую строгую критику. А строгихъ критиковъ-знатоковъ оказывалось много. Уже съ самаго начала праздника, оба амфитеатра стали ежеминутно все болѣе и болѣе окружаться блестящими кавалерами въ раззолоченныхъ кафтанахъ. Правда, почти всѣ эти кавалеры не отличались молодостью, но зато ихъ грудь была украшена знаками высшихъ отличій, ихъ осанка говорила объ ихъ государственномъ значеніи, Ихъ важныя лица, передъ строгимъ выраженіемъ которыхъ трепетало ежедневно великое множество подчиненныхъ и просителей, теперь освѣщались добродушной и нѣжной улыбкой.

И всего больше нѣжности и ласки было разлито на некрасивомъ, мясистомъ, до времени обрюзгшемъ лицѣ баловня счастья, Безбородки, который будто такъ и приросъ къ мѣсту у амфитеатра. Его щурившіеся, блетящіе и влажные какъ у блаженно-дремлющаго кота глаза то и дѣло загорались, перебѣгая отъ одного хорошенькаго личика къ другому. Наконецъ онъ не выдержалъ, покачнулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на своихъ толстыхъ ногахъ къ самому амфитеатру и началъ нашептывать что-то, очевидно очень милое, избранной имъ бѣлокурой головкѣ.

Его примѣру послѣдовали и другіе. Дѣвицы улыбались, кокетливо и мило вскидывали глазами, прелестно краснѣли и отвѣчали на обращаемые къ нимъ комплименты сановниковъ — кто односложно и робко, а кто и съ милой дѣтской смѣлостью.

Среди наполнявшей залъ громадной толпы гостей, то здѣсь, то тамъ, мелькали четыре весталки. Да, «весталки», — такъ были названы четыре дѣвушки, только что кончившія выпускные экзамены, но еще не покинувшія институтскихъ стѣнъ. Онѣ были одѣты всѣ въ бѣломъ, въ бѣлыя туники изъ тонкой шерстяной ткани, съ бѣлыми розами, вылетенными въ ихъ длинные и густые распущенные волосы. Онѣ